

Շ. Ագայն

Чл.-корр. Академии наук Арм. ССР

Из истории борьбы азербайджанских и армянских крестьян против феодально-крепостнических отношений в дореформенный период XIX в.

Присоединение Грузии, Азербайджана и Армении к России открыло новую страницу в истории развития закавказских народов. С помощью России народы Закавказья сбросили вековой тяжкий гнет персидского и турецкого деспотизма, спаслись от полной дегенерации и физического уничтожения, приобщились к экономически и культурно более развитой России.

Присоединение Закавказья к России, осуществленное вопреки активному противодействию английских и французских колонизаторов, стоявших за спиной персидских и турецких захватчиков, укрепило вековые дружественные связи закавказских народов с великим русским народом, дало возможность этим народам испытать на себе благотворное влияние передовой русской культуры и революционной общественно-политической мысли. В результате этого знаменательного исторического акта трудящиеся массы Закавказья получили возможность объединения своих сил с неисчерпаемыми и могучими революционными силами России для успешной борьбы против феодально-помещичьей кабалы, а позднее против капиталистической эксплуатации. На долю закавказских народов пала великая честь под руководством русского пролетариата свергнуть капиталистическую систему в Закавказье и утвердить социалистический строй.

Несомненно прогрессивное значение присоединения Закавказья к России для исторических судеб закавказских народов, для экономического и культурного их развития. В результате этого присоединения ускорился рост капиталистических отношений в Закавказье, что в свою очередь явилось необходимой предпосылкой формирования буржуазных наций Закавказья, роста их национального самосознания. Проникновение капиталистических отношений в города и села Закавказья усилило классовую дифференциацию и содействовало укреплению классового самосознания в среде трудящихся, усилению их борьбы против своих угнетателей.

Не вызывает сомнения, что после присоединения Закавказья к России положение закавказского крестьянства, по сравнению с условиями его жизни под кровавым игом персидских шахов и турец-

ких султанов, несравненно улучшилось. В период турецко-персидского господства трудящиеся массы Закавказья не только находились под угрозой физического истребления, но были объектом самого жестокого и беспощадного, ничем не регламентированного порабощения и ограбления со стороны малых и крупных феодалов. Малейшее сопротивление беспредельным претензиям этих грабителей кончалось кровавыми избиениями „непокорных“, ограблением всего их имущества, сожжением целых селений.

Так, до присоединения Азербайджана и Армении к России, в период ханского правления, пришедшие в отчаяние крестьяне часто были вынуждены оставлять родные села и спасаться бегством в отдаленные районы¹. Феодалы, конечно, принимали все меры, чтобы разыскать беглецов и вернуть их назад, что, правда, им не всегда удавалось².

Переход крестьян к другому владельцу был запрещен: „Когда райаты бекские бежали или приставали к другим бекам, то сии не имели права удержать их, а должны были возвращать к его владельцу“³. Владельцы-ханы, беки, мелики и агалары брали у крестьян „все, что хотели: деньги, оружие, лошадь и проч..., почему крестьяне, зная о приезде князя, обыкновенно старались спрятать все лучшее“⁴. Можно привести многочисленные факты, показывающие, что период персидского и турецкого ига не существовало никакой законности. Сущестующее в литературе мнение о том, что раньше в Азербайджане и в Армении не было крепостничества и что оно было введено рескриптом 6 декабря 1846 г., не выдерживает никакой критики⁵. Несмотря на ужасающий гнет и существующую военно-феодалную власть ханов, меликов и беков, крестьяне не раз выступали с оружием в руках и боролись за свою свободу.

Известно, например, восстание крестьян и горожан в районах Кубы и Дербента против Шейх-Али-хана кубинского и других феодалов. Восстание было подавлено с большим трудом. Для наказания крестьян хан разместил 8000 дагестанских наемников на постой в Кубинском районе и 2000 в Дербентском районе и заставил жителей платить подать „диш-кираси“⁶, что явилось новым тяжелым

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 36, д. 52, л. 10.

² См. нашу работу „А. Бакиханов“, Баку, 1948, гл. I, „Азербайджан в конце XVIII и нач. XIX вв.“

³ А. Бакиханов, „Докладная записка...“, см. „Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в XIX в.“, ч. I, стр. 143, М.—Л., 1936, под ред. И. П. Петрушевского.

⁴ ЦВИА, ф. ВУА, д. 6165, т. I, л. 31.

⁵ К этому вопросу мы вернемся в другой раз с особой статьей. Следует отметить, что вопрос о существовании крепостничества в Азербайджане, начиная с средних веков, впервые в научной литературе более обоснованно освещался в работах проф. И. П. Петрушевского.

⁶ „Диш-кираси“—награда (за труд зубов). В Азербайджане этим термином называли сбор, который подданные должны были платить в пользу квартировавших у них ханских воинов (см. „Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в.“, ч. I, стр. 350).

бременем для крестьян. Беки и ханы взимали с крестьян все, что хотели и сколько хотели. Крестьяне обязаны были „своим бекам делать распашку земли, жать хлеб, косить сено эврезом или сходкою, вывозить для постройки лес, давать дрова, уголь, мякину, масло, сыр, кур, яйца, фрукты, овощи и делать подарки при свадьбах под названием „той-пай“. Это все получает бек сверх определенной следуемой ему денежной, хлебной и произведениями подати¹. Права крестьян не гарантировались никакими законами. Как видим, период ханской власти был самым мрачным периодом в истории трудящихся масс, когда насилие и самочинство не имели никакого предела и вообще не существовало никакой законности. Крестьянские хозяйства разорялись от непрерывных междоусобных феодальных войн и разбойничьих набегов феодальных дружин наемников.

Отмечая исторически прогрессивное значение присоединения Закавказья к России, некоторое облегчение участи трудящихся масс, мы не должны, однако, забывать о колониальном гнете в царской России. Мы не можем забывать, что наряду с Россией Пушкина, Белинского, Добролюбова, Чернышевского существовала Россия крепостников и жандармов, которая, жестоко порабощая русский народ, держала национальные меньшинства страны под двойным гнетом: социальным и национальным.

„В России, — писал В. И. Ленин, — *больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют*“².

Если азербайджанское и армянское „высшее сословие“ оказалось в привилегированном положении (особенно после рескрипта 1846 г.), то крестьянская масса находилась под двойным гнетом. Беки, аги, мелики или ханские дети теперь нзседали на крестьян не только как феодальные владельцы, но и как царские чиновники. В этих условиях закавказское крестьянство, как и крестьянство всей России, вело непрерывную борьбу против феодально-крепостнических отношений и царского самодержавия.

Крестьянство старалось вырваться из условий крепостного гнета. Земельный голод, недостаток пашни, теснота угодий, нестерпимая тяжесть бремени, которое налагалось на крестьянина господствующим классом и государством, — вот те причины, которые, начиная с раннего средневековья, служили основой крестьянских волнений.

Колониальный грабеж и усиление гнета над крестьянством со стороны местных феодалов вызывали восстания и протесты, имев-

¹ ЦГИА Азерб. ССР. ф. Касп. Экспед. Верх. Груз. правительства, д. 310, св. 29, л. 29.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 241.

шие целью освобождение от экономической эксплуатации и национального угнетения. Однако выступления крестьянских масс в тот период имели некоторое своеобразие и в большинстве случаев не принимали формы вооруженной борьбы, хотя, как увидим далее, имели место и отдельные вооруженные выступления. В то время, как указывает В. И. Ленин, „крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же бо-ролись, как умели и как могли“¹.

* * *

Изучение крестьянского движения в Азербайджане и Армении в XIX в. показывает, что борьба крестьян в отдельные периоды имела свои специфические особенности. Первый этап этой борьбы охватывает период до последних лет 40-х гг. XIX в. (до восстания кубинских крестьян в 1837 году), когда борьба крестьян своим острием была направлена против социально-экономической политики царизма. К этому времени относятся, например, волнения в Кубе в 1809—1811 гг., восстание в Бакинской провинции в 1826 г., волнения в Джаро-Белоканах в 1830 г. и другие. Все эти выступления крестьян были направлены как против царизма, так и против феодалов. Однако турецкие и персидские агенты стремились использовать выступления крестьян для своих коварных целей. Очень часто к этим выступлениям крестьян в качестве попутчиков примыкали отдельные, недовольные политической царизма слои эксплуататорского класса. Однако эти попутчики преследовали реакционные цели: они стремились отделиться от России, вернуть политическую власть ханам и меликам, полностью восстановить феодально-крепостнические отношения периода персидского ига. В этом находил свое выражение „феодально-монархический „национализм“² местных эксплуататорских элементов.

Чем ближе к середине XIX в., тем сильнее выявляется антифеодальный характер крестьянских выступлений. Борьба против царизма тесно переплетается с борьбой крестьян против гнета феодалов-крепостников.

В Закавказье часть крестьянской массы состояла из т. наз. казенных крестьян, и их положение по сравнению с владельческими бекскими крестьянами было несколько лучше. „Внеэкономическое принуждение,—пишет проф. Н. М. Дружинин,—которое тяготело над государственными крестьянами, имело более ослабленную и смягченную форму: оно выражалось в виде различных правоограничений, но никогда не достигало той формы вечного права, которая характеризовала взаимные отношения между помещиком и его кре-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 311.

² И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 32.

постными в XVIII и первой половине XIX века¹. Число государственных крестьян в 40-х г. XIX в. было довольно велико. Но в дальнейшем значительная часть государственных крестьян, по мере признания царским правительством крепостнических прав тиюльдаров и мюлькадаров, попадает под гнет беков и агаларов, что в свою очередь не могло не привести к усилению классовой борьбы крестьянства против феодально-крепостнической эксплуатации.

Одной из самых распространенных форм борьбы крестьян явилась подача жалоб отдельными крестьянами и крестьянскими обществами. Таких жалоб больше всего встречается во время ревизии гр. Кутайсова и Мечникова (1829—1834 гг.) и в 1837 г., во время приезда Николая I в Закавказский край. Эти жалобы показывают также политическую незрелость крестьянских масс, которые вначале думали, что жалобы были в состоянии облегчить их положение. Местные чиновники и владельцы запрещали подачу жалоб. Нахичеванский правитель Эксан-хан требовал: „Если кто имеет надобность просить о чем-либо монарха, обращались бы с просьбами к его величеству не иначе, как посредством его хана“². Описывая в своих жалобах самочинство и ужасный гнет царских чиновников и местных феодалов, крестьяне наивно надеялись найти справедливость и поддержку у верховной власти.

В мае 1837 г. начались крестьянские волнения в Нахичеванской провинции. Как большинство крестьянских восстаний в феодальный период, волнения крестьян Нахичеванской провинции носили религиозный отпечаток. По сообщению члена комиссии для составления положения об устройстве Закавказского края Нефедьева, волнение крестьян возникло по побуждению „одного муллы, который выдал себя за пророка, фанатическими проповедями своими привлек к себе тысячи народа и взволновал умы жителей Нахичевана и всех окрестностей“³. Это сильно встревожило начальника провинции, местного пристава полк. Эксан-хана и владельцев-беков. Эксан-хан сам явился с вооруженными частями и „смирил“ волнение крестьянских масс. Для предупреждения в дальнейшем восстаний и волнений крестьян царский чиновник Нефедьев требовал усиления состава военной команды⁴.

Основной причиной восстания крестьян и здесь были чрезмерные поборы и угнетение. Крестьяне Нахичеванской провинции жаловались, „что с них кроме подымной подати, земского сбора земных произведений и сбора за мелкие произведения... постоянно собираются деньги за бостан (т. е. дыни и арбузы) не по числу сих

¹ Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, стр. 34, М.—Л., 1946.

² Кол. политика рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. I, стр. 337.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Там же, стр. 336—337.

произведений, а по количеству халваров земли..., что при недавнем устройстве на здешнем пункте почтовых домов, хотя отпущена на это сумма от казны; но с них собрано на сей предмет по 50 коп. сер. с дыма, что недавно также собрано и по 50 коп. сер. с дыма на постройку в Нахичеване дома для пристава Кириллова; что сборы сии производились Исай-султаном и простирались со всей провинции каждый раз до 700 туманов (туман—тюмен—иранская монета—10 руб.—Ц. А.), 2300 руб. сер., что кингерлинцы (хапские татары), приезжая к ним с объявлениями о взносе податей, берут с каждой деревни по рублю серебром, что они отягощены сборами на наем рабочих по устройству дилижанской дороги и что хан поставил над ними мирболюков (наиб—начальник участка—Ц. А.), которых также надобно задабривать¹.

Многие из налогов и повинностей чиновники местной власти проводили в свою пользу, а в своих донесениях сообщали, „что с жителей, кроме сбора на земскую повинность, других денежных сборов никаких нет“². Многие из земельных участков засеваются „мюлькадарами, но налог или подать за это падает на жителей“³.

Крестьяне подавали жалобы тайком, чтобы феодалы и царские чиновники не подвергли их наказанию.

Нахичеванские крестьяне жаловались больше всего на ненавистного им феодала Исая-султана. Они утверждали, „что хан во всем слушает Исаю, разоряющего всех“⁴, и вместе с этим „пользуется многими титулами“, стесняя народные массы. Исай-султан до установления размера податей в Нахичеванской провинции занимался „глазомерным описанием урожая, описывал вдвое, грабил и составил себе огромное состояние...“⁵, жестоко разоряя провинцию, за что получил прозвище „бич Нахичеванской провинции“⁶. В другом документе крестьяне своих эксплуататоров называют „грабителями и разбойниками“. Жалобщики прямо заявляли, что они не могут долго терпеть такое положение и им придется бежать „от власти ненавистных владельцев“⁷. И действительно, многие жители разошлись по разным краям и „если некоторые из них находятся в бегах,—пишет кап. Эйнал-султан в своем обращении от 29 октября 1837 г.,—то причиною суть Иса-султан и сын его Зейн Абдин-султан, которые стараются довести бедных жителей до последней нищеты“⁸.

Самовластие Исая-султана не имело предела. Для постройки дома пристава и почтовой станции он собрал „около 500 туманов, а

¹ Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. 1, стр. 337.

² Там же.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 345.

на постройки издержано не больше 200 туманов, остальные же остались у него¹.

Однако даже эти очевидные факты не помогли раскрыть злоупотребления потому, что хан имел „полную возможность заставить каждого жителя отказаться от своего показания или несколько раз переменить слова“².

Один из чиновников в своем заявлении указывал на то, что ор дубадский наиб Ших Али-бек угнетает население, и жители несут „стеснения от страха“³. За такое донесение последовало распоряжение главноуправляющего Грузией об увольнении этого чиновника от занимаемой должности. Представители власти, зная о злоупотреблениях местных феодалов и чиновников, всячески им покровительствовали.

Нередко угнетатели, обозленные ропотом народа, еще больше усиливали притеснения, ибо все зависело от воли наива и местных беков. „Наиб делает, что хочет. Недовольные жалуются иногда начальнику области; начальник этот в справедливости жалоб представляет удостовериться тому же полицейскому управлению, на которое изъясняется неудовольствие и получает сведения, разумеется, не в пользу просителя“⁴.

Жители дер. Гараханбеклы в своем прошении от 2 июня 1834 г., жалуясь на тяжелые налоги и притеснения со стороны беков, писали: „они отнимают наши земли и отводят воду на землю, отчего мы лишаемся средства посеять хотя немного хлопчатой бумаги для своих семейств. Сверх всего этого, хищники производят разбой во всякое время, днем и ночью, в деревне нашей и на дороге убивают и грабят поселян“⁵.

С крестьян, помимо многочисленных налогов и повинностей, требовали также выставлять подводы. Жители дер. Аджавад, Нахичеванской провинции, жаловались (1837 г.) на то, что их „ежедневно обременяют требованием подвод на все надобности и посылки“⁶.

Во многих случаях крестьяне платили подать также и за своих владельцев⁷.

В 1837—38 гг. почти во всех районах Закавказья наблюдались крестьянские волнения. Таковы, например, выступления крестьян в 30 деревнях Гокчи (Ново-Баязет, Арм. ССР). Крестьяне обратились к главноуправляющему в Тифлисе и начальнику Армянской области кн. Бебутову с просьбой об облегчении податей, но, получив отказ, они решили не платить податей. Главноуправляющий Грузией бар.

¹ Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. 1, стр. 346.

² Там же.

³ Там же, стр. 343.

⁴ Там же, стр. 344.

⁵ Там же, стр. 345.

⁶ Там же, стр. 348.

⁷ Там же.

Розен сообщает военному министру Чернышеву, что гокчинские крестьяне „между собою положили не повиноваться окружному нач-ку и не платить подать, пока она не будет уменьшена“¹. Начальник Армянской области ген. Бебутов сообщает, что крестьянская масса в Баязете выражает явное возмущение². Далее он указывает, что „некоторые из меликов и старшин удалены уже от всякого над ними (крестьянами—Ц. А.) влияния и что народ совершенно их более не слушает“³. Восставшие армяне предложили своим братьям-азербайджанцам присоединиться к ним и не платить подати⁴.

Крестьянские выступления часто принимали довольно резкую форму. Как показывают архивные данные, крестьяне прямо объявляли: мы не хотим „меликов, старшин, окружного нач-ка“⁵. Ген. Бебутов сообщает, что никакие распоряжения крестьянами не исполняются: „приказы, посланные к ним от окружного нач-ка, разрываются и посланные выгоняются побоями...“⁶

Для подавления волнений крестьян царские чиновники прибегали к оружию. „Силою оружия должно взыскать положенные на них подати,—распорядился царский чиновник,—другого средства не предвидится...“⁷ В Гокча срочным порядком были посланы две роты Мингрельского егерского полка и два горных орудия. Ген. Бебутову было разрешено „собрать, если нужно, и конную милицию“⁸. Из секретного отношения военного министра Чернышева командиру Отдельного Кавказского корпуса видно, что император Николай I отдал приказ о том, что выступление баязетских крестьян „должно быть прекращено без послабления и всякой уступчивости“⁹. Выступление крестьян было подавлено, руководители крестьян были арестованы, многие из них подверглись телесному наказанию, а часть была предана военному суду¹⁰. В то же время многие из местных феодалов, за оказанные услуги в подавлении выступления крестьян, получали награды и поощрения от царского правительства¹¹.

Наиболее крупным восстанием в первой половине XIX в. в Азербайджане было восстание кубинских крестьян, центром которого стал город Куба. До появления „особого положения“ генерала А. П. Ер-

¹ „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“ (Материалы по истории армянского народа, кн. 1, составил проф. Рштуни при участии К. Степаняна), Е., 1948, стр. 23.

² См. проф. В. Рштуни, „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, „Известия“ АН Арм. ССР, № 6, 1945, стр. 43.

³ Там же.

⁴ ЦВИА, ф. 39, д. 98-а, л. 23, см. также „Крестьян. движ. в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 32.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 35.

¹¹ Там же, стр. 36.

молова (1824 г.) все деревни в Кубинской провинции принадлежали бекским родам. Согласно этому „положению“ генерал А. П. Ермолов оставил 65 деревень во владении 17 или 18 бекских родов, заслуживших благоволение царского правительства своей усердной службой и преданностью, а все остальные деревни причислил к казне.

Все бекские крестьяне находились в крепостной зависимости. Они платили своим бекам так же, как и казне подати деньгами или натурой.

Крестьяне угнетались и духовными феодалами. „Вообще все духовенство имело право покупать земли, селить на них на принятом всеми положении выходцев из других ханств, без различия вероисповедания“¹. Феодалы—беки, агалары, ахунды и мелики за свои заслуги перед царизмом получали в награду землю и ранджбаров². Именно поэтому феодальная знать, грабившая трудовой народ, была усердным проводником царской политики национально-колониального угнетения.

В деревнях, в результате разорения малоимущих крестьян, образовалось большое количество батраков—сельских нукеров, которые находились фактически в рабском положении. Чтобы освободиться от рабства, многие из них убегали в горы или же пополняли ряды городской бедноты.

Накануне восстания 1837 года Кубинская провинция состояла из 11 магалов (участков). Во главе каждого магала стоял магальный наиб (начальник участка) из местных беков, являвшихся главной опорой русского коменданта (начальника провинции). Феодальная эксплуатация со стороны магальных наибов не имела пределов. „Власть магальных наибов,—читаем в одном документе,—столь велика в глазах жителей, что никакая почти жалоба на них не может доходить до начальства...“³

Произвол, беззакония и злоупотребления наибов не имели границ. Требовалось, например, 100 арб для казенных повинностей, наиб делал наряд на 300, за 200 брал деньги, а 100 сдавал. Притеснениями, взятками и всякими поборами они безжалостно выколачивали из народа неизмеримо больше, чем получала казна⁴. „Земские повинности, лежащие на жителях, столь многосложны, что обременение оными почти неизбежно, тем более, что как в назначении, так и в порядке нет ничего определенного и все совершенно зависит от воли коменданта“⁵. В рапорте штаб-ротмистра Потоцкого от 15 мая 1837 года сообщается, что налоги, чрезвычайно обременяющие жителей, не были определены, „а отчетность в них частью не существует, а частью в самом жалком состоянии“. Больше всех страдали бедные нукеры, ранджбары, реяты и др.

¹ Акты, т. VII, стр. 433.

² Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. 1, стр. 328.

³ АВПК и Б. Ф. Кавк. ком. 1837., л. 58, л. 9, об.

⁴ Акты, т. VIII, стр. 615.

⁵ АВПК и Б. Ф. Кавк. ком., д. 38, л. 11, об.

„Обедневший речбар,—пишет в своем донесении тот же Потоцкий,—заменяется другим достаточным, который тоже приходил в разорение и был заменен в свою очередь. Таким образом, жители заметно беднели, умножалось число несостоятельных и обогащались некоторые только лица. Не было ни малейшей заботы о приведении к решению дел подсудимых. Арестанты содержались по несколько лет без всякого суда и допроса“¹.

Следует отметить, что неурожай и падеж скота в Кубинской провинции в 1832—1833 годах сильно отразились на благосостоянии населения.

Народ не был в состоянии освободиться от долгов, хотя и отдавал эксплуататорам даже необходимые для жизни продукты. Уже в 1835 году недоимки, не оплаченные жителями, составляли довольно большую сумму. В одном из документов сообщается, что „даже при хорошем урожае трудно будет ее (т. е. эту сумму недоимки—Ц. А.) взыскать с жителей“². За 1836 год жители Кубинской провинции вовсе не смогли уплатить хлебной подати, что свидетельствует о крайнем обнищании крестьянства этой провинции.

Все это, естественно, не могло не привести к восстанию.

Восстание началось ранней весной 1837 года. В течение многих месяцев азербайджанские крестьяне вели героическую борьбу против эксплуататоров, пытались с оружием в руках уничтожить ненавистный феодально-крепостнический гнет. Характерно, что в подавлении крестьянского восстания весьма активное участие приняли местные эксплуататоры—верные ставленники царизма. Так, прибывшие в Кубинскую провинцию войска полковника Мамед-Мирзахана кюринского и казикумикского, а также ширванская конная милиция численностью в 1000 человек, под командой прапорщика Адильбека, Шир-Али-бека и Ширин-бека, отличились своим жестоким отношением к восставшим крестьянам, беспощадно грабили и уничтожали имущество и дома повстанцев.

Кубинское восстание носило характер народной борьбы против местных феодалов и царского колониального гнета. Движущей силой восстания явилась крестьянская беднота. Примкнувшие к восстанию отдельные беки были лишь временными попутчиками. Они пытались придать движению реакционный характер, и вскоре после восстания многие из них переметнулись на сторону царизма.

Анализируя причины поражения крестьянской войны в Германии, Энгельс указывал на „раздробление, разъединение революционных сил, позволяющее одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим“³. Такое положение наблюдалось и во время крестьянского восстания в Кубинской провинции.

¹ АВПК и Б. Ф., Кавк. ком., д. 38, л. 11, об.

² Акты. т. VIII, стр. 615.

³ Ф. Энгельс, Статьи 1871—1875 гг., 1919, стр. 30.

* * *

Крестьянские волнения имели место во всех провинциях Закавказья. Но особенно напряженное положение создалось накануне геновской реформы 1840 г., когда комендантское управление переживало период кризиса, и царское правительство торопилось провести реформу, чтобы этим путем хотя бы на время успокоить все растущее недовольство крестьян. Царские чиновники всячески старались отвлечь внимание народных масс от политической борьбы и пытались объяснить создавшееся положение „неудобством“ комендантского управления, корыстолюбием отдельных правителей и местных чиновников¹.

В 1838 г. начались волнения в Шекинской провинции, главным образом, среди ранджбаров шелководных садов „Общества распространения шелководства за Кавказом“. Характерно, что в этом восстании особенно активно участвовало наиболее бедное население. Главноуправляющий Кавказом ген. Головин писал Николаю I, что многие из зажиточных нухинских жителей, оставив свое имущество, удалились из города, и только беднота принимала активное участие в орьбе крестьян². Царские чиновники при помощи местных беков и элисуйского султана Даниель-бека подавили восстание в самом его начале.

Возмущение крестьян в эти годы охватило также многие другие провинции. Крестьяне не ограничивались представлением жалоб и прошений и часто организованно выступали против бесчинств чиновников и тяжелых платежей, несмотря на то, что эти выступления обходились им очень дорого³.

Сами царские чиновники, ознакомившиеся с положением крестьянских масс в Карабахской провинции, причинами „беспорядков“ считали следующие: „1) самовластное управление; 2) влияние или, лучше сказать, владычество ханов и беков и 3) удручение жителей, кроме податей и налогов, тяжкими повинностями по раскладкам коменданта, не подлежащим никакому контролю“⁴. Карабахская провинция в 1837 г. состояла из 11 магалов. Магальные наибы „не только содержат себя,—пишет Нефедьев,—но наживают деньги на счет народа“⁵. Кроме того, „наибы покровительствуют преступлениям, извлекая из того свои выгоды“⁶. Крестьяне в своих жалобах показывали, что вся-

¹ См. Ц. П. Агаян, История Азербайджана в 30-50-х гг. XIX в., глава „Административные реформы 1840 года“, научный архив Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР.

² Научн. архив Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азербайджанской ССР.

³ Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. 1, стр. 351—352.

⁴ Там же, стр. 349.

⁵ Там же, стр. 350.

⁶ Там же.

кие и без того тяжелые налоги и повинности, „доходя к ним через наибов, есаулов и меликов, возрастают вдесятеро“¹.

Есаулы наиба отличались жестокостью и неимоверными притеснениями. Каждый раз по приезду наиба в деревню для него готовилось большое угощение, но он отказывался кушать, говоря, „что не будет пить и есть до того, пока не дадут ему „дишкиря“, т. е. не заплатят за работу зубов“². Царские чиновники и беки издевались над крестьянами, „ибо здесь всякое лицо, носящее признак власти, первым условием и достоинством ее полагает бить и наказывать обывателей во имя правительства“³. Особенно тяжело приходилось крестьянам, когда наиб сам со своею свитою посещал деревни. „Крестьяне должны были устраивать угощение и обслуживать его людей. На каждый обед наиба требовался один баран, один литр (= 9 ф.) сорочинского пшена, пол-литра масла, повару его за стряпню 5 руб. сер., слуге 4 руб. сер., мирзе 12 руб. и самому наibu 50 руб. сер.“

Наиба сопровождало до 10 нукеров, которые разъезжали на обывательских лошадях и в свою очередь побирались деньгами⁴. Так, например, один из очевидцев, описывая злодеяния наиба Зангезурского магала полк. Фараджулла-бека, пишет, что он „ехал по службе верхом с толпою нукеров, с ястребами и собаками“⁵ и своим появлением наводил ужас на крестьянские массы. Несмотря на то, что наибы со стороны правительства не обеспечивались жалованием, тем не менее многие феодалы стремились стать наибами и приобрели такую должность „не без жертвований“⁶.

Крестьяне в своих жалобах о наибах показывали: „не успеем мы накормить одного, дают нам другого голодного, который с новою жадностью стремится к поборам“⁷. Такое положение не могло не вызвать беспрестанных жалоб жителей, что приводило, наконец, к активному выступлению угнетенных масс против колониально-феодального гнета. Магальные наибы и беки, несмотря на свои бесчинства, пользовались поддержкой и непосредственной защитой главноуправляющего Закавказья⁸.

Один из магальных наибов Аглинцов за свои многочисленные злоупотребления был удален от своей должности, но главноуправляющий вскоре восстановил его, и он попрежнему продолжал грабить народные массы. Описав преступную деятельность наиба Аглинцова, Нефедьев отмечает, что он с жителей собрал „в свою поль-

¹ Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. 1, стр. 350.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 351.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

зу в полгода до 17 тыс. руб. сер¹. Угнетенное крестьянство ясно видело, что „начальство не расположено преследовать злоупотребления, что они должны переносить все безмолвно или страшиться еще наказания за жалобы, от которых сами они пристрастием следователей и отвлечением их во время следствия, от домов и хозяйства вынуждены бывают отказаться“².

Не в меньшей мере страдали и городские жители. „Кроме многих, обременяющих жителей Шуши, налогов,—сообщается в одном документе,—они отягощены до последней крайности двумя повинностями: квартирной и подводною“³. Царские чиновники по своему усмотрению захватывали любую квартиру у жителей и пользовались ею без всякой платы. Подводы брали от жителей по произволу коменданта и полицеймейстера. Так, например, в сентябре 1837 г. „от жителей Шуши взято на разные потребности 139 лошадей“⁴.

Судебная и административная реформа 1840 г. и введение новых учреждений по типу центральных губерний России, рост числа чиновников, усиление бюрократизма и волокиты в учреждениях, а также рост податей еще более усилили общее недовольство крестьянских масс. Теперь к недовольным крестьянам присоединились и ремесленники, часть купечества и феодалов, у которых царское правительство отнимало земли и лишало их сословного звания.

Реформа Гана не только ничем не облегчила положения трудящихся масс, но, наоборот, еще больше ухудшила его, в связи с чем возник ряд крупных восстаний в Закавказье, как, например, восстание в Гурии в 1841 г.⁵ и в других частях Закавказья.

Движения начались также во многих районах Азербайджана. В 1844 г. произошло восстание в Елису. В выступлении елисуйских крестьян принимали участие также крестьяне Шекинского уезда. Это восстание было жестоко подавлено.

В 1845 г. происходили волнения крестьян и кочевников в Казахском и Шамшадинском районах в связи с введением нового, более высокого „податного оклада“.

О повсеместном увеличении волнений свидетельствует рапорт одного из жандармских чиновников Каспийской области шефу жандармов гр. А. Ф. Орлову от 13 июля 1845 г., где тот пишет: „в Каспийской области, в особенности по Шекинскому уезду, разбои и своеволие жителей со дня на день увеличиваются, ропот в народе делается голосом общим на несправедливость и корыстолюбивые действия, доходящие до степени грабительства чиновниками

¹ Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. I, стр. 352.

² Там же.

³ Там же, стр. 354.

⁴ Там же.

⁵ См. исследование Г. Хачапуридзе, Гурийское восстание в 1841 г., Закннига, 1931. В приложении к книге приводятся также ряд важных документов, дающих яркую картину этого крупного события политической борьбы трудящихся крестьян Грузии в середине XIX в.

земской полиции"¹. Бекам и агаларам ничто не препятствовало самовольничать и грабить народ. Если жителям удавалось иногда своими усилиями ликвидировать разбойничьи шайки, организованные беками и агаларами, то им же за это приходилось жестоко расплачиваться.

В этот период почти по всей Каспийской области чувствовался „переход от непослушания к мятежу“². Вину в этом царские чиновники старались сложить на „крайне слабое и близорукое управление областью“³.

Жители селения Зардарашен, Шушинского уезда, в 1841 г. подали жалобу на своего владельца прап. Иосифа Мадатова, в которой описывали свое тяжелое положение и обременение повинностями. Царские чиновники, понятно, защищали интересы феодалов. Министр внутренних дел гр. Л. А. Перовский писал: „По произведенному о сем исследованию жалоба оказалась совершенно несправедливою и приказано было жителям повиноваться“⁴. Такое приказание только усилило волнение среди крестьян, и они подняли восстание против Мадатова и его пособников. Полицейские чиновники пришли им на помощь, и началась расправа над жителями. „12 главных зачинщиков буйства и непослушания были подвергнуты месячному содержанию в тюрьме на собственном их иждивении с подтверждением, что если они еще осмелятся оказать подобное неповиновение, то поступлено будет с ними по всей строгости законов“⁵. Но и это не могло остановить волнения крестьян: „зардарашенцы остались при прежнем упорстве, и никакие кроткие внушения начальства, ни строгие меры не могли заставить их исполнять обязанности к владельцу Мадатову, которому они решительно и навсегда отказались повиноваться“⁶.

Выступление зардарашенцев имело большое влияние и на соседние деревни. Как сообщает официальный документ, „пример их начинал возбуждать и в прочих поселениях дух неповиновения“⁷. По распоряжению главноуправляющего Закавказским краем ген. Голловина руководители восстания были преданы военному суду. В отношении 13 человек были вынесены решения: „лишить прав состояния и, наказав шпицрутенами, сослать на каторжную работу; 4-х же человек: Кюка Ованесова, Асри Саркисова, Кяпи Мартиросова и Мартироса Оганова—сослать на каторжную работу по старости лет без наказания“⁸. Решение это было утверждено управляю-

¹ С. А. Авалиани, Крестьянский вопрос в Закавказье, т. III, стр. 124, Одесса, 1914.

² Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане, ч. II, стр. 283.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

щим Каспийской областью „с тем, чтобы 13 человек подсудимых наказать шпицрутеном через 500 человек по 2 раза каждого“¹. Население вновь подало жалобу новому главноуправляющему Закавказским краем ген.-адъют. Нейдгарду, но последний лишь несколько смягчил решение военного суда. Тот же документ сообщает, что ген. Нейдгард „полагает из числа подсудимых 13 человек, не изъятых от телесного наказания, наказать шпицрутеном через 500 человек каждого по одному разу и потом, как их, так и остальных 4-х человек, освободившихся от наказания, сослать в Сибирь на поселение“².

В этот же период преступная деятельность местных владельцев становится особенно нестерпимой. Одним из таких ненавистных для народных масс угнетателей был главный шушинский казий Мирза Абдул-Кассум. „Не надо долго жить в Карабаге, дабы убедиться во всенародном ропоте противу казиза этого за его корыстолюбие и кривые решения в суде шаро... Притом таковое неправосудие казиза Кассума усиливается по мере благосклонности к нему начальства“³.

Теперь уже дело не ограничивалось жалобами, а доходило до того, что нукеры или крепостные крестьяне убивали своих господ. Так, например, в 1844 г. был убит кедхуда селения Крыз, Будугского участка, Кубинского уезда, Али-Мамед Дервиш-оглы. Хотя убийцы и не были найдены, но подозреваемые в этом жители Бейбут Чир-Кули-оглы и Абдул-Азис Шериф-оглы, которые „не повиновались кедхуде, были наказаны розгами и ссылкой в Сибирь“⁴.

Жители общества Крыз представили „начальнику области 4 просьбы... об освобождении подсудимых от наказания“⁵. Приведение приговора в исполнение местному начальству представлялось опасным. На предписание начальника области о точном исполнении приговора палаты уездный начальник доносил: „исполнение означенного приговора может иметь весьма важные и неприятные последствия, которых он, уездный начальник, не в состоянии будет отстранить“⁶. Главноуправляющий Закавказским краем ген.-адъютант Нейдгард вынужден был обратиться в министерство юстиции о пересмотре этого дела. Последнее в свою очередь обратилось с таким же запросом к правительствующему сенату. Правительствующий же сенат решил испросить „высочайшее разрешение“⁷. Во избежание политических выступлений местная власть долго успокаивала жителей надеждой на положительный ответ. Дело это тянулось долгое время, но решение суда все же было приведено в исполнение.

¹ Кол. полит. рос. царизма в Азербайджане в XIX в., ч. II, стр. 11.

² Там же, стр. 11—12.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 290—291.

⁵ Там же, стр. 291.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Усиление борьбы крестьян против крепостников отмечается и в жалобах этих последних.

Кубинский житель Мамед Юсуф-бек Махиядин-бек-оглы в своем прошении от 6 июня 1845 г. кубинскому уездному начальнику жалуется на своих крепостных поселян, которые его „8 лет как и знать не хотят“¹. Далее он пишет, что его поверенный Мирза Алияр „неоднократно жаловался участковым заседателям, но удовлетворения никакого не получил“². Жители отказывались платить подать и выполнять распоряжения ненавистного феодала. Мамед Юсуф-бек в своей жалобе требует от уездного начальника „взыскать от Мирза Мамед-Кендцев и Каджарцев остававшиеся за ними за прежние годы дань и все следуемые по инструкции (имеется в виду инструкция 1824 г. ген. Ермолова о правах беков Кубинской провинции—Ц. А.) и внушить им, чтобы были послушны...“³

Когда беки обладали достаточной силой, они сами расправлялись с непокорными крестьянами. Так, например, жители села Рус-тов, Кубинского уезда, в начале января 1846 г. подняли восстание против своего владельца Абдулла-аги. Восстание возникло из-за чрезмерных податей и угнетения со стороны бека. Тогда Абдулла-ага при помощи своих нукеров начал подавлять выступление рус-товцев, причем поставил „в деревне их 400 человек нукеров в роде экзекуции, требовал с них дишние (диш-кираси—Ц. А.), повинности“⁴. Жители написали жалобу, выразив в ней свое возмущение. Начальник Каспийской области, видя создавшееся обостренное положение, 11 января 1846 г. распорядился кубинскому уездному начальнику „о выводе из означенной деревни находящихся там нукеров Абдулла-аги“⁵.

Усиливающееся крестьянское движение в закавказских уездах заставило царское правительство пересмотреть проводимую им политику в Закавказье и принять, особенно в период наместничества кн. Воронцова, новый курс на предоставление ряда новых льгот бекам, агаларам и меликам. Таким путем царизм рассчитывал еще энергичнее использовать местных эксплуататоров в борьбе против трудящихся крестьян.

Как известно, крепостническая политика царизма в Закавказье особенно ярко проявилась в середине XIX в. со времени наместничества Воронцова. В это время царизм, взяв курс на местный владельческий класс⁶, предоставил „высшему мусульманскому сословию и армянским меликам“ ряд прав русских и грузинских дворян, что, конечно, еще больше усилило эксплуатацию крестьян и ухуд-

¹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. кубинского уездного начальника, д. 9, св. 1, л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. уезд. управления, д. 175, св. 1, л. 6.

⁵ Там же.

⁶ См. Рескрипт 6 декабря 1846 г. и „Поселянские положения 1847 г.“

шило их положение, а это в свою очередь усилило борьбу крестьян за свою свободу.

Создавалось угрожающее положение для владельческого класса. Вот почему кн. Воронцов издал распоряжение, „чтобы с начала 1846 г. решительно воспретить производство дел отысканию свободы“¹ и чтобы владельческие крестьяне „беспрекословно отбывали повинности на прежнем основании...“² Однако все это не могло остановить движение крестьян. Так, например, крестьяне Гокчинского участка решительно отказались „от отбывания агаларских повинностей“³ а 15 крестьянских делегатов были отправлены в Тифлис для подачи жалобы. Крестьянские движения, направленные против растущего гнета феодалов и покровительствующих им царских чиновников-колонизаторов, еще больше усиливаются.

В некоторых случаях восстания возникали по поводу того, что крестьяне стремились перейти на казенные земли. Крестьяне сел. Туг, восставшие в 1849 г. против помещичьего гнета Асад-бека, утверждали, что их деревня принадлежала казне, что Асад-бек захватил ее незаконным путем, что больше невозможно терпеть его притеснения и эксплуатацию, и поэтому они отказываются повиноваться его власти. Кн. Воронцов строго наказал руководителей и некоторых из восставших; владельцы в свою очередь жестоко избили крестьян палками. Но, как пишет 30 апреля 1852 г. начальник управления гражданской частью Закавказского края кн. Бебутов, борьба крестьян продолжается и в 1852 г. и принимает более острый характер. В селе Больш. Мазра жили владельческие и государственные крестьяне. Владелец этого села всячески стремился господствовать также над казенными крестьянами. Но крестьяне не хотели подчиниться феодалу и писали: „Мы ему не принадлежали прежде и ныне не принадлежим, как крестьяне казенные“⁴.

Жители дер. Шорлю-Магмандар, Зангибасарского участка, жаловались на то, что владелец Сулейман-хан насильно захватил казенную землю и заставил крестьян платить ему подать и нести повинности⁵.

С усилением классовой дифференциации в деревне усиливается кулацкая прослойка, которая постепенно захватывает земли и наживается за счет трудящихся крестьян села. 50 человек крестьян дер. Больш. Веди 24 февраля 1851 г. жалуются на то, что 19 семейств кулаков, пользуясь поддержкой начальников Шарурского участка, „приняли на себя бекские достоинства“⁶, освободились от податей и начали угнетать крестьян-бедняков.

¹ Г. В. Хачапуридзе, Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии, стр. 18.

² „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 44.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 77.

⁶ Там же, стр. 78.

В 1849 г. в ряде мест происходят волнения ремесленников. Так, например, в Нухе началось выступление ремесленников, протестовавших против тяжелого налогового гнета и различных поборов. Борьба приняла довольно острый характер и закончилась вооруженным столкновением. Шемахинский губернатор барон Врангель дал приказ стрелять в народ.

После подавления восстания многие участники его решением министерства внутренних дел от 26 ноября 1849 г. были высланы в Сибирь, Казань, Воронеж, Полтавскую, Черниговскую, Витебскую, Костромскую губернии „под надзор полиции“¹, а часть из них была отдана на военную службу в обязательном порядке². Многие из „мятежников“ погибли в ссылке³, а некоторые, как, например, житель деревни Кемдек Мулла Абдул-Ильхичи-оглы, спустя много лет, уже в 1861 г. добивались разрешения вернуться на родину⁴.

Весь ход крестьянского движения этого периода показывает, что крестьяне, конечно, не могли себе ясно представить сущность политики Воронцова, усиливающей азербайджанских и армянских феодалов, но они упорно боролись именно против проявившихся результатов этой политики.

Чтобы избавиться от тяжелого гнета ненавистного феодала, крестьяне часто устраивали побегі единично или же группами в отдельные уезды.

В 1849 г. крестьяне села Баназур взбунтовались против своего владельца полк. Джафар Кули-аги. Многие из них, не вытерпев тяжкого гнета и порабощения, были вынуждены бежать. Часть беглецов была отыскана и возвращена в имение владельца. От ужасных побоев погибли много детей и одна беременная женщина⁵. Как видно из отношения наместника (ноябрь 1849 г.), борьба баназурских крестьян против своих феодалов-эксплуататоров началась еще в 1840 г., когда они отказались платить подати, а в 1842 году крестьяне вновь представили жалобу по поводу тяжелых податей и притеснения владельца. В 1843 г. начались экзекуции для „подчинения баназурцев своему феодалу и для сбора всех податей и повинностей“. В том же году трое из руководителей крестьян были преданы военному суду. В 1845 г. суд вынес решение о том, что жалобы крестьян против Джафар Кули-аги следует считать неосновательными.

Известно также, что в Гокче в 1850 г. крестьяне села Бджни (армяне и азербайджанцы) вели упорную многолетнюю борьбу против владельца Арсен Султан Гегамяна⁶.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 8/28, д. 2316, л. 1.

² Там же, л. 40.

³ Там же, лл. 42, 57, 60.

⁴ Там же.

⁵ См. проф. В. Рштуни, указ. изд., стр. 49.

⁶ Там же.

Арсен Гегамян жил в г. Ереване и безжалостно угнетал жителей села Бджни. В этом селении жили 40 семейств, из коих 17 азербайджанских. Еще в 1849 г. жители подали несколько жалоб на самочинства Гегамяна. В одной из этих жалоб, которую подписали 17 азербайджанцев и 20 армян, описывается размер тяжелых повинностей, выполняемых крестьянами. Арсен Султан, пишут крестьяне, „держит теперь из нас у себя в Эривани для прислуг до пяти человек, особо постоянно находится один человек для караула, который через десять дней поочередно сменяется с каждого семейства, из произведений в прежние годы от 30 халв. вообще разного рода зерна брал по 4 халв., а теперь берет по 7 халв., дрова доставляем в Эривань от каждого семейства по 8 вьюков, деньгами платим от каждого семейства по 2 руб. 50 коп. серебром, сена—50 арб, саману 50 арб, сыру 50 батм., масла от семейства по 1 батм. и лошадей в год для посылок и работ 400... мы пашем ему землю на своем скоте, сеем ему, а как поспеет—убираем и доставляем к нему чистым зерном“¹.

Родственники Арсен Султана в деревне также жили за счет крестьян. Крестьяне в своей жалобе пишут, что они дают „ежедневно печеный хлеб, кур, цыплят, масло, барашек, яйца—сколько ему потребуется, ежедневно в прислугу по 2 человека, дров по 4 вьюка, травы кошенной для скота по 4 вьюка, енджи с дома по 30 снопов, для работ людей в круглом счете 200 человек;—все это не входит в расчет годового мультка, который мы особо даем и работаем“². Кроме перечисленных повинностей крестьяне платили еще и казенные подати. Арсен Султан „довел нас до такой крайней бедности,—писали крестьяне,—что мы едва достаем пропитание для семейств наших“³.

Крестьяне села Бджни всячески добивались разрешения переселиться на казенную землю и избавиться „от рабства и жестокостей Арсен Султана“⁴.

Арсен Султан, отстаивая свои „права“, утверждал, что крестьяне даны ему „в вечное и потомственное тиульство“⁵. Угрожая крестьянам, он нагло заявил: „Вы мои вечные крестьяне и я в вас волен всем, кроме души, все, что хочу от вас, требую...“⁶

Эта борьба против ненавистного феодала и его наследников не прекращалась и в 60-х годах. Несмотря на неоднократные вмешательства царских чиновников, крестьяне отказывались выполнять распоряжения местного начальства. Крестьяне в своей жалобе, написанной еще 18 марта 1850 г., решительно отказывались „представлять

¹ „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 46—47.

² Там же, стр. 47, см. также ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 338, л. 42—43.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 94.

себя во власть правительству—как покоряются рабы¹. Для устрашения крестьян уездный начальник арестовал вожakov крестьян: Азата Григорьева, Чивчива Манука Арутюнова, Огана Арутюнова, Халила Ахмед-оглы и Дали Кярима Айдын-оглы. Арестованные были отправлены в Эривань.

Следует отметить тот знаменательный факт, что армянские и азербайджанские крестьяне совместно вступили в упорную борьбу против своего классового врага.

Руководители восстания долгое время томились в царской тюрьме, а один из них, Халил Ахмед-оглы, „по освобождении из-под ареста от изнурения в заключении на другой же день помер“². Все эти факты показывают, как сильно крестьянская масса страдала „от самодурства, насилия и гнета помещиков, крепостников с их полицией и чиновниками“³.

Борьба против налогового гнета всегда составляла один из важных моментов крестьянской борьбы. Феодалы и царские чиновники прибегали к самым суровым мерам для взыскания податей. Один из уездных начальников, дав приказ о немедленном сборе податей, предупредил своих чиновников: „если кто-либо будет в том противиться, то связанным доставлять ко мне“⁴.

В одном из документов от 15 июля 1858 г. сообщается, что жители дер. Зограблу, Эриванского уезда, отказались платить подати мюлькадару Джалалову, за что представители крестьян были арестованы и посажены в тюрьму⁵.

Накануне крестьянской реформы практиковалась отдача в откуп земельных участков и деревень с крестьянами. Крестьяне дер. Махуб, Новобаязетского уезда, жаловались на то, что они отданы в откуп сроком на 10 лет. Такое положение, пишут они, „в крайней степени стесняет нас“. Далее они пишут: „...буде невозможно будет по закону уважению наше прошение, то покорнейше просим не оставить распоряжением выселить нас из этого селения в другое селение, где удобно и благоугодно будет начальству“⁶. Крестьяне готовы были покинуть родной дом, лишь бы освободиться от гнета ненавистного эксплуататора. Но они не имели этой возможности. Эриванский военный губернатор прямо указывал, что „крестьяне не имеют права перехода с одной земли на другую“⁷.

Борьба азербайджанских и армянских крестьян против социального и национального гнета вливалась в общий поток той борьбы,

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 338, л. 43.

² Там же. „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 92.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 108.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 272, л. 8, об.

⁵ „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 86.

⁶ Там же, стр. 90.

⁷ Там же, стр. 106.

которая происходила в России против феодально-крепостнического строя.

Уже стало очевидно, что крепостной режим, особенно в период царствования Николая I, невыносим. Это был период самой мрачной реакции. Николай I в одной своей речи объявил петербургскому дворянству: „вся без исключения земля принадлежит дворянину—помещику. Это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может. У меня полиции нет,... я не люблю ее; Вы—моя полиция, каждый из вас мой управляющий“. С первых же дней своего самодержавного правления он выступил как палач и душитель народного освободительного движения.

Но несмотря на суровые репрессии царских властей, по всей Российской империи ширилось освободительное движение. „Дух преобразования заставляет везде умы клокотать“,—писал декабрист Пестель. Передовые умы России начали критически относиться к существующему царскому режиму. „Крепостное состояние—мерзость“,—пишет декабрист Якушкин. Идеи декабристов бродили также в умах передовой интеллигенции азербайджанского, армянского и грузинского народов.

Во второй половине 20-х годов XIX века царизм ссылает на Кавказ и в Закавказье декабристов и их единомышленников: почти треть всех пострадавших по делу 14 декабря находилась на Кавказе. В 30-х годах здесь находилось в ссылке довольно много декабристов, польских и русских революционеров. Кавказ они называли не иначе как „теплой Сибирью“. Сосланные декабристы служили в военных частях, участвовали в русско-персидской и русско-турецкой войнах.

Насколько высоко стояла тогда идея демократической свободы, показывает следующий документ, датированный 29 января 1831 года—прокламация „Доблестные сыны России“, призывавшая народ к свободе:

„Подвигайтесь, сыны России! Пора уже возгнущаться постыдным игом самовластия, которым угнетают вас иноплеменные пришельцы (имеются в виду немцы, орудовавшие тогда в России—Ц. А.).

Россия... стонет в узах рабства! Сыны ее страшны врагам и грозны союзным Державам, трепещут перед лицом самовластия и во мраке неволи не смеют даже помышлять о свободе.

Известны миру твердость духа и храбрость русского воинства, известна простота нрава нашего земледельца и возвышена душа Гражданина. Но на что сии дары природы: там, где во имя закона властвует кичливый Деспот; где алчные придворные, чуждые отечеству, в жертву своему корыстолюбию истощают сокровища России, в жертву своей гордости проливают кровь чад ее, попирают ногами русский народ, воспрещая процвести его благоденствию.

...Ныне пора расторгнуть оковы губительного деспотизма; пора

оживить нравственность обуявшую, устроить правосудие... короче сказать, пора восстановить законное и народное правление...

Вспомните—каким родом казни, доселе неизвестным в России, Николай Павлович истребил в 1826 году первых героев свободы нашей, обагрив площади и стогны Петровской столицы кровью ее жителей, и украсив Петропавловскую крепость виселицами!!!

... Просвещение, зарница народного благоденствия, без истинного покровительства, без свободы, образует рабоподобные орудия самовластия. Торговля угнетена налогами, земледелие—подавляемостью, крестьяне в униженном рабстве, граждане в пренебрежении... Свинцовый покров тирании подавляет остатки благомыслия и чести, и умерщвляет в зачатии всякую добрую мысль и доброе чувство.

О горе! Горе нам!—лютейшие тираны избрали россиян орудием своих соблазнов, коварства и честолюбия; и мы повинемся!

...С мечом в руках, среди столицы, в селах и градах на Севере и Юге, сокрушайте рабство, требуйте народной свободы...

Нынешний престол не имеет верных и приверженных защитников, кроме купленных наемщиков, они за деньги изменят ему на поле брани... Восстанье лишь! и престол вострепещет, услыша громящие отзывы свободы по всей земле русской...¹⁴

Этот документ прекрасно отражает революционный дух и стремления передовых людей русского общества в описываемый период.

Вслед за декабристами выступили Герцен и Белинский. В России возникала почва для зарождения и развития революционно-демократического движения, связанного с бессмертными именами Чернышевского и Добролюбова. Идеи великих русских революционных демократов, несмотря на жестокие преследования царских властей, проникали в среду закавказских трудящихся масс и вдохновляли их на борьбу против крепостнического строя. Эту борьбу в Азербайджане возглавлял крупный азербайджанский мыслитель-материалист Мирза Фатали Ахундов, а в армянской действительности—революционный демократ Микаел Налбандян.

* * *

В течение двух последних десятилетий дореформенного периода усиливается колониальный и феодально-крепостнический гнет, связанный с усилением товарно-денежных отношений и развивающимся капиталистическим производством. Хотя влияние этих новых отношений на крестьянский быт более ярко выявилось в 80—90-х гг., но начало его можно отыскать и в 50-х и 60-х годах. В этих условиях и в связи с этим, как в формах эксплуатации крестьянских масс, так и в характере крестьянского движения, появляются новые особенности. Крестьяне выступают на борьбу с новыми капиталистическими хищниками в деревне, независимо от того, что в основном их удары направлены против помещиков и царизма.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Зимний дворец, д. 1840, „Доблестные сыны России“.

Угнетенное крестьянство начинает выражать свое недовольство против национального гнета и феодально-крепостнической эксплуатации прежде всего жалобами, подаваемыми письменно или устно через посылаемые к начальству делегации. В то же время борьба крестьян находит усиленное выражение в форме движения „качагов“ — народных хабрецов¹.

Крестьянское движение получает особый размах после реформы в России (1861 г.) и Грузии (1864 г.).

Крестьяне Закавказья интересовались крестьянской реформой, проводимой царизмом в России. Слух о реформе распространяли здесь, главным образом, беглые крестьяне, число которых было довольно значительным. Накануне реформы 1861 г. беглых крестьян из России в Закавказье считалось 1104 чел.² Это, очевидно, то минимальное число, которое царским чиновникам удалось взять на учет.

Один из помещиков Новобаязетского уезда 22 ноября 1858 г. заявил наместнику, что слухи о реформе в России привели в движение крестьянскую массу: „Люди неблагонамеренные,—писал он,—нашли случай разгласить между поселянами Эрив. губернии ложные слухи, будто вместе с этим (т. е. реформой в России—Ц. А.) будут отняты и права здешних потомственных тиулистов и мульткадаров на их земли и жителей“³.

Крепостники и царское правительство каждый раз принимали самые жестокие меры и подавляли возникшие выступления крестьян. Крестьяне дер. Джафарабат, Эчмиадзинского уезда, неоднократно выступали против своих владельцев. Уездный начальник приказал им повиноваться, но крестьяне явились в уездное управление и заявили свой протест. За это уездный начальник приказал строго наказать руководителей крестьян „Мкртичева... двадцатью пятью ударами розг, а ... Айрапетова, Акопова и Ягубова по двадцати ударов розг, со внушением, чтобы они в будущее время удерживались от подобных поступков под опасением более строгого взыскания“⁴. Жители дер. Арчадзор, Мегринского участка, в своей жалобе от 12 апреля 1866 г., говоря о жестокостях своих эксплуататоров, писали: „Мы не можем *хладнокровно* смотреть на те *гнусные* поступки, которые совершают перед лицом целого мира эти люди...“⁵

Царское правительство вынуждено было приступить к подготовке реформы и для Закавказья, обнадеживая крестьян, что они должны подчиняться своим феодалам до тех пор, пока в общем порядке разрешится вопрос об их положении.

Крестьяне иногда целыми деревнями выражали желание переселиться с мульткадарской земли на государственную землю. Такой

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 660, л. 1.

² Там же, д. 271, л. 4.

³ „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 99—100.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 135.

переход крестьян хотя и был невыгоден владельцам, но, боясь выступления крестьян, они иногда соглашались их отпускать.

С нарастающей энергией угнетенное крестьянство Закавказья боролось против своих угнетателей за землю и за волю. „Когда было крепостное право,—писал Ленин,—вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли“¹.

Борьба крестьян накануне реформы носила еще более ожесточенный характер. Старания царизма усмирить крепостных путем репрессий ни к чему не приводили. Крестьяне все чаще прибегали к острым формам борьбы: к поджогам, убийствам помещиков и царских чиновников, а также к отказу выполнять повинности.

Мы отметили уже, что с развитием капиталистических отношений в деревне усиливается классовая дифференциация крестьян. С одной стороны, происходит обнищание крестьянских масс, с другой, — часть зажиточных крестьян путем обмана и захвата земель образует прослойку богатых кулаков. Крестьяне дер. Бих, Ордубадского уезда, в своей жалобе от 20 июня 1866 г. пишут, что кулаки и владельцы „обманывая жителей, посредством разных хитростей завладели их имением“². Особенно разоряло крестьян ростовщичество. Даже сами царские чиновники были вынуждены отметить, что вместе с многочисленными „бедствиями губят крестьян и долги, кои лежат тяжелым бременем на их хозяйстве, особенно при здешних огромных процентах“³. Жители дер. Елгован и Гек-Килиса Новобаязетского уезда в своей жалобе от 15 марта 1867 г. писали, что взыскания сбора и повинностей привели их „в крайнюю бедность и они впали в долги“⁴.

В борьбе крестьян в 60-х годах необходимо отметить еще один важный момент. После реформы в России и Грузии царизм приступил к разработке проекта реформы для Азербайджана и Армении. В связи с этим на местах были организованы бекские комиссии, в обязанности которых входила задача определения состава „высшего сословия“. Бекские комиссии дали повод к неимоверному взяточничеству, в результате чего очень многие приобрели звание „высшего сословия“, что явилось новым бременем для крестьян. В связи с этим во многих уездах начались волнения, принявшие большой размах⁵.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384, „К деревенской бедноте“.

² „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 157.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12/38, д. 38. Отчет Бак. губ. за 1866 г.

⁴ „Крестьянское движение в Армении в XIX в.“, кн. 1, стр. 159.

⁵ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 2, л. 100.

К недовольным массам присоединились и некоторые из обиженных мелких беков. Крестьяне требовали обследования неправильных действий бекской комиссии, „...назначения громадного следствия над всеми вообще лицами комиссии...“¹

Прекращение действий комиссии стало требованием всей крестьянской массы. Об этом были поданы жалобы от поселян многих деревень Ордубадского уезда² и других уездов Азербайджана и Армении.

Жители всячески противодействовали работе комиссии. Потребовалось вмешательство кавказского наместника, чтобы он „внушил кому следует обязанности: не переходить пределов поселянину выше его общества и собственных дел“³. Господствующие классы в союзе с царскими чиновниками всеми средствами старались не допустить к политической жизни страны трудящиеся массы крестьян.

Как видим, в эпоху феодального гнета постоянно возникали выступления крестьян против поработителей. „Вся эпоха крепостного права,—писал В. И. Ленин,—равным образом полна постоянных восстаний крестьян“⁴.

В эти годы для царской администрации становилось все яснее, что в тяжелом крепостном гнете таятся причины возрастающей классовой борьбы крестьян. Поэтому царское правительство, с целью предупреждения и отвлечения внимания народных масс, начало подготавливать отмену крепостного права сверху.

Таково было положение крестьянских масс Азербайджана и Армении до реформы 14 мая 1870 г.⁵ Но и после половинчатой царской реформы положение крестьян ничем не улучшилось. Крестьяне и после реформы „остались без права, остались низшим, податным, черным сословием, остались в когтях у крепостной кабалы. И крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли“⁶.

История борьбы крестьянства в дореформенный период XIX в. показывает, таким образом, что эта борьба не могла увенчаться успехом, поскольку в то время еще не созрела та сила, которая должна была освободить трудящихся от гнета и порабощения. „Крестьянские восстания,—писал И. В. Сталин,—могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“⁷.

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 2, л. 100.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 371.

⁵ Борьба крестьянских масс после реформы продолжалась с еще большей силой. Этому вопросу посвящена наша другая работа, в настоящее время подготавливаемая к печати.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 371.

⁷ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 9.